

Об именах человеческих и Божиих

Уже около ста лет в православной церкви идет полемика о так называемом «имяславии». Суть этого учения, выдвинутого в начале XX века в русских монастырях Афона, передается традиционной простой формулой: «Имя Божие – Сам Бог». Poleмика по этому поводу развернулась довольно серьезная, с привлечением к делу практики исихазма и богословия св. Григория Паламы, но нам представляется необходимым взглянуть в самый глубокий корень этой темы. Мы вообще здесь не станем пытаться дать ответ на главный «имяславский» вопрос: является ли имя Самим Богом? И когда читатель доберется до конца рассуждений, то, наверное, сам догадается, почему.

Библейское понятие об имени

Для начала нужно разобраться с тем, что такое имя вообще, кто кому и зачем его дает, и что это дальше значит. А затем мы увидим, как и для чего такое действие, как наречение имени, прописано в Библии, что оно там значит.

Итак, для начала речь не о Божиих именах, а о человеческих именах и даже, так сказать, пониже.

Ключевую мысль подает нам библейский текст о том, как Адам нарекает имена животным. В экзегезе этого стиха высказываются обыкновенно две взаимодополняющие идеи. Первая и наиболее распространенная состоит в том, что имя выражает самую суть именуемого объекта. И рассказ понимается, как похвала широте ума и наблюдательности первого человека. Адам в этой экзегезе, как бы сублимировал, сжал в краткое имя главные черты наблюдаемых животных. Если можно так выразиться, то всю информацию о каждой из тварей архивировал в краткий файл, которым и является имя. В такой экзегезе смысл стиха сводится к похвале ума первозданного, еще не павшего, человека. А смысл самого понятия имени – это и есть такая «архивация файла».

Думается, что читатель согласится, если мы такую экзегезу условно назовем «эллинской», памятуя, как эллины премудрости ищут (и порою находят даже там, где ее нет).

Но Библия – книга не эллинского мира, а совсем иного, и там другие идеи первичны. Повторим: мы не отрицаем приведенной выше экзегезы, но считаем ее не первичною. Первична экзегеза совсем другая. В ней имя – это не сублимированная информация, а знак власти, знак подчинения, знак иерархии.

Вот что конкретно пишет св. Иоанн Златоуст:

«Что он (Адам – с. Т.) одарен был великою мудростью, можешь удостовериться из того, что было теперь. И *приведе я*, - сказано, - *ко Адаму, видети, что наречет я*. Это делает Бог, чтобы показать нам великую мудрость Адама». (Беседа на Бытие, 14, 5[стр. 115]).

Как видим, Златословесный учитель отнюдь не отвергает «эллинскую» экзегезу, приведенную нами выше, но не на ней делает он ударение. Читаем его дальше, в том же месте:

«Впрочем это делается не для того только, чтобы мы видели мудрость его, но и для того еще, чтобы в наречении имен виден был знак (символ – здесь приведено слово греческого оригинала – с. Т.) владычества. И у людей есть обычай полагать знак своей власти в том, что они, купив себе рабов, переменяют им имена. Так и Бог заставляя Адама, как владыку, дать имена всем бессловесным... Видишь полноту власти? Видишь силу господства? Подумай, между прочим, и о том, что и львы, и леопарды, ехидны, и скорпионы, и змеи, и все другие, еще более свирепые животные, пришли к Адаму, как к господину, со всею покорностью,

чтобы получить от него имена, и Адам ни одного из этих зверей не устрасился... Наречение имен ясно показывает нам, что и звери, подобно домашним животным, признавали и свое рабство, и господство человека. Имена те, которые нарек им Адам, остаются и доселе: Бог так утвердил их для того, чтобы мы и помнили постоянно о чести, которую человек получил от Господа всяческих, приняв под свою власть животных, и причину отнятия этой чести приписывали самому человеку, который через грех утратил власть свою».

Итак, с одной стороны, именование имени – это мудрое проникновение в суть именуемого, но с другой стороны, - знак власти над ним. И повторим, оба смысла взаимно дополняют друг друга. Но задумаемся все-таки, какой из смыслов первичен, причем именно в самом библейском тексте?

Думается, мы не погрешим, если пойдем «проторенной тропинкой»: то, что попроще, поглубже, что легче понять, то и первично. Следовательно, первична власть. Златоуст вспоминает обычай переименовывать раба при покупке. Некоторое количество «географических» античных имен человека в наших святцах – это, скорее всего, бывшие рабские имена: Герман, Лидия, Ливия, даже Афиноген. Извините, причем тут мудрость? Не мудрствуя лукаво, рабовладелец именуется нового раба просто по той области, откуда этот раб привезен. Мудрости нет, а власть налицо.

Общечеловеческое отношение к имени

Трудно отделаться от мысли, что и сам Бытописатель, кто бы он ни был, имел в виду именно этот смысл имени, то есть, аспект власти. Ведь это стало общечеловеческим достоянием: люди дают имена своим детям и рабам. Старшие дают имена младшим. По имени зовут старшие младших и равные – равных. Младшие же зовут старших по имени лишь с разрешения старших, а без такого разрешения обращаются не по имени, а по титулу. Титулы начинаются со слов папа и мама.

И ведь это есть давняя, неписаная традиция, свойственная буквально всем народам. Сохраняется она и у нас. Если Вы услышите, как пятилетний ребенок на улице позовет маму по имени, например, Наташей, вы непременно вздрогнете. Вы сделаете этой Наташе замечание, что такое обращение к себе разрешать собственному ребенку – это антипедагогично. И будете правы. Даже дядю и тетю мы учим называть через титул: тетя Наташа. Титул при таком общении может удалить только сам дядя или сама тятя, да и то не всегда, а если они с племянником близки по возрасту.

Таким образом, уже хорошо отстраивается семейная иерархия имен: старшие младших – по имени, младшие старших – по титулу. Еще более развитой и громоздкой эта система обращений становится в общественной системе, в традиционном обществе. Например, в армии. Солдат офицера по имени позвать не может никогда, - только по званию: товарищ, господин, ваше благородие и т.д. Система титулов: благородие, превосходительство, сиятельство, преосвященство, - призвана именно скрыть имена. Скрывание имени при обращении младшего к старшему и призвано показать, что младший признает свое подчиненное, младшее, низшее положение. И наоборот, если генерал разрешит старшим офицерам именовать себя просто по имени отчеству – это признак особых теплых, демократических отношений.

Итак, имя – это, если можно так выразиться, величина векторная. Она имеет не просто значение, но и направление: от старшего к младшему. Один старший имя дает, разные другие старшие же имя это используют. Младшие же «наверх»

воссылают только титулы, которые, нарочито отличаясь от имен, свидетельствуют принятие младшими установленной иерархии.

Подчеркнем, что так было у всех народов и всегда. Разве только нынешнее время, притязующее на взлом традиционной иерархии, нарушает весь этот порядок. Но для Бытописателя этот «векторный характер» имен, системы именования, совершенно очевиден. Более того, если проследить, как в Бытии даются имена, мы прочтем за этим прямую и ясную иерархическую карту, которую Бытописатель и желал, очевидно, нам передать вот таким нехитрым способом.

Наречение имен в Библии

Что ж, можно начать с самой первой страницы. Смотрим, где Бог нарекает имена и кому. В стихе 5 Он дает имена свету – день, а тьме – ночь. Казалось бы, просто поэтическая тавтология. Но ничего подобного. Это миссионерская проповедь против многобожия. Бог-Творец есть Господин дня и ночи. Свет и тьма в Его власти, ибо дав им имя, Он ставит им рабское клеймо. Никакая «тьма», никакое тайное бытие каких-то параллельных богов или сил, не осталось ему не покоренным.

Далее в 8-м стихе Бог дает имя небесной тверди, только что сотворенной. Опять, художник подписывает свое же изделие. Для чего Бытописатель об этом говорит? – Конечно, чтобы все знали, что никакого автономного от Творца «небесного Олимпа» быть не может. Бог и здесь поставил свою печать подчиненности. В 10-м стихе даются имена суше и морям. То есть, всем оставшимся стихиям, где, согласно представлениям древних людей, «положено» угнездиться неким сущностям, претендующим на «божественность».

Итак, наречение имен Богом в Бытии, причем именно неодушевленными стихиям – это не что иное, как форма проповеди единобожия. Это свидетельство о Божией власти над всею тварью.

Далее по нашей теме упоминаются четыре райские реки, у которых тоже есть имена. Имена, а не названия! Правда, невозможно вычитать, кто именно дал эти имена рекам, поэтому дальше мы на них не задерживаемся и переходим к человеку.

Имя Адам возникает в тексте как бы на пустом месте, из ниоткуда. До 15 стиха 2-й главы сотворенный человек не поминается по имени, а в 16-м стихе его имя уже стоит в косвенном падеже: И заповедал Господь Бог Адаму... Конечно, можно тут перейти к общепринятому теперь разложению текста на «Яхвиста» и «Элогиста», чтобы понять, как могло пропасть сообщение, что имя Адаму нарек Сам Его Творец. Но это не имеет значения. Других вариантов все равно нет. Человека назвать Адамом не мог никто, кроме Бога. И это тоже был, конечно, акт власти.

Дальше говорится о наречении имен животным со стороны Адама. Мы уже видели значение этого акта, повторяться не станем. Но дополнить можно одним простым наблюдением. В первой главе Бытия после земли и моря Бог больше ничему не нарекает имен. Даже небесным светилам, что странно. Среди людей, которые поклоняются солнцу и луне, звучит проповедь служебного положения этих светил. И здесь бы очень не помешало установление этой «печати подчиненности» - наречение имени. Оставим эту загадку, как есть, а вот, отсутствие упоминания о названиях растений (и тех же рек в раю) дает возможность предполагать, что и растения и «ландшафтные особенности» тоже переданы в подчинение Адаму, как и животные. Вероятно, и им он тоже дал имена.

Но наиболее интересен вопрос о том, когда женщина получила свое имя. Вглядевшись внимательно, мы нигде имени Ева не найдем до 20 стиха 3-й главы,

до момента изгнания из рая. И имя это дает ей не Бог, а ее муж, Адам. И дает он это имя ей только после свершившегося Божьего суда, провозгласившего отныне подчиненное положение женщины: *и он тобою обладать будет* (Быт. 3, 16). Знак обладания, знак власти мужа, является немедленно: это и есть наречение имени.

Значит, до падения женщина не имела своего имени. Или она была с мужем настолько одним целым, что носила его имя перед Богом? Возможно, ибо придумать какую-то альтернативную версию здесь трудно.

С 4-й главы мы видим установление обычного порядка: родители нарекают имена своим детям. Здесь нечего более растолковывать вплоть до интересного момента, когда Бог Сам дает новое имя Авраму и Саре (Быт. 17, 5 и 15). В контексте это переименование звучит, как постановление завета с Авраамом и как дарование ему обетования о многочисленном потомстве. Когда имя Аврам (пришелец) изменяется на Авраам (отец народов), важна именно эта «смысловая нагрузка» имени, понятная сама по себе, но не только она. Очевидно, что первоначальное имя (Аврам) дали праотцу евреев его родители (а кто же еще?). Но теперь Сам Бог, вручая новое имя этому человеку, берет Авраама как бы в свое особое сыновство (или рабство, - в данном контексте невелика разница). Важно, что отныне Авраам принадлежит Богу в более глубоком и внутреннем смысле, чем принадлежал Ему Аврам – верный, проверенный служитель Божий, но еще не получивший завета и обетования. А получая завет и обетование, Авраам получает и новое имя. Для нас важно, что «векторный смысл» имени, как знака подчиненности, принадлежности, полностью сохраняется и здесь.

Тот же порядок прослеживается и в Новом Завете. В Евангелии отражено, как Иисус дал ближайшему своему ученику Симону имя Петр, а братьев Зеведеевых назвал Сынами Грома. Изменение имени и в этом случае служило знаком главенства Иисуса и знаком чести для избранных Им. Переименованные, они тем самым, поставлялись в некое особое положение даже среди других двенадцати учеников. Не случайно именно их отделял Иисус на горе Преображения и в Гефсиманском саду в ночь своих страданий.

Имена языческих богов

Пробираясь по библейским страницам далее, мы должны вплотную упереться в разговор Бога с Моисеем при купине, где впервые Творец как будто раскрывает свое имя, но прежде этого разговора, необходимо важное пояснение.

Моисей воспитывается в окружении многобожников и только после бегства своего в пустыню, у тестя своего Иофора, научается вере в Бога Единого. Язык его поколения не знает какого-то Бога с большой буквы, какого-то выделенного среди других божества. Моисею еще только надлежит учить народ единобожию. Пока же богов много, все они носят какие-то свои имена.

Пересказанную нами «векторную философию» имени люди помнят и прекрасно понимают. Они понимают, что никаких собственных имен никаким богам они не могут не только дать (придумать), но даже и знать такие имена. Если старший разрешит назвать его по имени – это будет знаком равенства, это будет подъемом по иерархической лестнице, невероятным взлетом человека. Люди уже знают и городскую, и кочевую форму человеческой иерархии. И все знают, что царя своего по имени не называет ни один человек в городе. Да и в стане Авраама едва ли кто-нибудь (кроме, быть может, жены?) дерзал бы назвать его по имени. Если имя царя прозвучит в разговоре, просто на улице, - это могут счесть неуважительным, потому что гораздо уважительнее – титул. Титул, строго говоря, это прилагательное, или причастие, или же, быть может, образованное от

прилагательного или глагола существительное. Но никогда не существительное «по существу». И в таком качестве титул всегда подчеркивает уважение.

Короче говоря, задолго до Моисея все и так знают и соблюдают третью заповедь, причем не только по отношению к богам, но и по отношению к царям и социальной иерархии: по имени их не поминают, давно и прочно заменив имена титулами: а изволило ли его величество сегодня пообедать и прогуляться? Только так, и никак иначе. Собственного имени царя уже никто в городе и не помнит, - за ненадобностью! Ведь по имени его звать – это оскорбление величества, не меньше!

Соответственно, то же самое прилагается и к богам, в еще большей мере. Никакая Вам не Иштар, а Владычица, никакой не Мардук, а только Господин (Ваал). Ваал и значит, Господин, Господь. Только так простой смертный зовет своих богов, кем бы они ни были. А иначе, т.е. употребляя имя, он ставит себя вровень с ними, то есть, кощунствует!

Но есть и у всех богов свои особо приближенные лица.

Самый приближенный к царю (князю) познается по тому уникальному признаку, что может назвать его по собственному имени – наедине, разумеется. Может быть, отец, мать, жена, кто-то из братьев, - если кто-то из них еще жив у правителя, что случается не так часто, - только они пользуются этой «привилегией имени». А почему с богами должно быть иначе? – Конечно, и с богами точно так же. Только особенно продвинутые и приближенные к богам, и только в самом счастливом случае могут удостоиться – страшно сказать! – позвать своего бога по имени. Ведь тот, кто имеет право позвать по имени царя (не прилюдно, конечно!), тот среди остальных смертных обладает властью, практически равной власти царской. Вроде как Иосиф при фараоне. Имени того фараона мы не знаем, вряд ли его знали и простые египтяне современники, но Иосиф-то должен был знать, и более того: возможно, мог позволить себе самого фараона позвать по имени!

И вот если такое отношение проецируется в дела религиозные, то становится понятным отношение верующего к имени своего бога. Знать бога по имени – величайшая привилегия! Кто знает имя бога, кто может даже его сообщить, и не будет немедленно наказан – тот и есть самый крутой жрец, волхв, кудесник.

До сих пор доходит обычное, так скажем, честное религиозное сознание, даже многобожника. Дальше возможен нечестный его вариант, искаженный, воровской. То есть вариант черной магии. Вот главная его предпосылка. Если знание имени божества имеет величайшую силу, то нужно постараться узнать его **любой ценой**, сиречь **украсть** такое знание. Черный маг ошибочно воображает, будто бы, узнав имя своего бога, он уже автоматически покорит его себе. Позвав бога по его, божьему собственному имени, маг рассчитывает, что сам этот бог окажется связанным и вынужденным выполнить волю просящего.

Вот отсюда и идет охота за Божиим именем! В сказках разных народов мира, кстати, встречается этот сюжет: «разоружить» злого волшебника герою удастся, если он сможет узнать имя этого волшебника, причем имя тайное, настоящее, подлинное, а не то, с каким волшебника принято именовать в народе. Узнавший настоящее имя побеждает волшебника, овладевая его силой.

Простой верующий поклонится Богу, спокойно сознавая свое местоположение: он один из многих, равноудаленных от Бога людей, не имеющих особого дерзновения, могущих только призывать Божество по титулу, как и все остальные. Кого эта заурядность категорически не устраивает, - тот встает на путь черной магии. Магии имен, в том числе. А если не встает на этот путь, - значит, волей-неволей смиряется с тем, что и он такой же, как все.

Откровение имени Яхве

Вот сквозь этот контекст давайте взглянем на Моисея, предстоящего Богу при неопалимой купине (Исх. Гл. 3). Моисей, ощутив Божие присутствие, благоговеет пред Богом, не смеет глаз поднять (стих 6). Бог дает ему поручение вывести народ Израиля из Египта.

Сам по себе Моисей кроток и смирен. Он не стал бы никогда претендовать на какое-то особое место перед Богом, в которого уверовал. В том числе и на «привилегию имени». Но после поставленной Богом такой гигантской задачи, как выведение своего народа из Египта, задачи, поставленной в этом самом чудесном явлении горячей купины, - Моисей просит и средств к ее выполнению. Просьба выражена не очень понятно для современного человека: *вот, я приду к сынам Израилевым и скажу им: Бог отцов ваших послал меня к вам. А они скажут мне: как Ему имя? Что сказать мне им?* (стих 13).

Если пояснить эту просьбу, то она означает следующее. Для того чтобы Моисею дать просто понять, о каком-то Боге он говорит соплеменникам, хватило бы назвать, так сказать «человеческое отчество» этого Бога: Бога Авраама, Исаака и Иакова. Все бы сразу поняли, о ком идет речь: это Бог, которому поклонялись праотцы евреев. Моисей спрашивает это имя Бога не затем, чтобы евреи его опознали! Чтобы Моисею поверили, он должен предстать в образе сильнейшего жреца сильнейшего Бога. Он должен показать, что знает Его имя. То есть, и сам Бог этот силен, и посланник Его знает Его имя, то есть, нашим языком, он с этим Богом «на ты». Отсюда и просьба: возведи меня в достоинство знающих имя.

Бог не отвергает эту просьбу, понимая, что дело серьезное, и обойтись «попроще» не получится. И Бог сообщает Моисею «ключевое слово», четыре священных буквы, которые огласовывают теперь, как Яхве. И это слово становится на века именем Божиим во всей Библии.

Множество библейских исследований постарались раскрыть нам значение этого слова. Прочитывают его и так: Тот, Кто Есмь; и так: Сущий, Существующий; и так: Присутствующий среди вас. И как ни повернуть его, какие бы оттенки смысла в нем ни разглядеть, все равно оно остается не «существительным по существу», а или причастием, или относительным местоимением, то есть, проща говоря, опять же только титулом. Да, этот титул вознесен до уровня непроизносимости, но смысла собственного имени он все равно от этого не обретает.

В самом деле: кто может Богу дать имя? Если имена дают только старшие младшим.

Остается только соглашаться с теми библеистами, которые в самом значении Яхве, как относительного местоимения, видят вполне резонный **отказ** Бога от произнесения настоящего имени. Тогда, Моисею и его современникам этот смысл был ясен лучше нашего. Бог предотвращает попытку обывательского отношения к себе, попытку призыванием Бога по имени «вытягивать» из Него все свои желания и хотения. Изначально, а потом еще и третьей заповедью Бог пресекает попытки колдовать Его именем. Бог сохраняет свою свободу и суверенитет от человеческих желаний. Это очень важно.

Превращение титула в имя

Но слова в человеческой речи имеют свойство со временем изменять свое значение. Прилагательные и причастия, например, ссыльный, верующий, - со временем становятся существительными. Вот так и причастие Яхве стало

существительным, причем не образованным от прилагательного или причастия, а «существительным по существу». Ну, то есть, именем Божиим собственным. Именем, никогда не употребляемом в другом значении или контексте.

И это было неизбежно.

И именно в таком качестве имя Яхве, так сказать, облеклось в третью заповедь, как это принято у евреев. Его нельзя написать или произнести. Написать его можно только в синагогальном свитке Торы. Писать можно только ритуально чистому писцу после особой молитвы. Одна пометка в начертании священного имени выводит из строя всю рукопись, отправляя ее в генизу (особое хранилище испорченных и ветхих священных книг). Произносил святое Имя только один раз в год первосвященник во Святая Святых Храма, в день Искупления. А при чтении свитков Торы в синагоге, или при пении гимнов, святое Четверозвучие заменялось просто на Адонай, что означает тоже Господь (как и Ваал), то есть на нарочитый титул.

Но мы должны помнить, что этот вполне понятный и естественный религиозный процесс ничего не мог изменить по сути третьей заповеди. Ее нравственный смысл (а другого смысла в Божьих заповедях не следует даже искать) состоит в том, чтобы уважать Божию свободу. Бога можно только молить и умолять, но никогда и ни к чему, никакими ухищрениями невозможно принудить. Это не просто не возможно, но и очень грешно. Короче, пытаться колдовать именем Божиим – страшный грех.

Но смысл-то заповеди высок, хотя и ясен: уважай Божий суверенитет. А вот воплощение заповеди в конкретных делах всегда и неизбежно рискует стать примитивным, формальным, сугубо плотским. Все перечисленные нами еврейские действия относительно священного Имени – это не более чем формы, которые сами могут забыть о том, какое же содержание они хранят.

Для нашей же темы должно быть ясно, что принципиальной, бытийной разницы между именами Яхве и Господь не существует. Все это титулы и не более того. Все эти слова, как и Бог, как Творец, как множество прилагательных превосходной степени: Всеведущий, Всемогущий, Всевышний, - стоят в ряду употребительных и понятных заменителей Божьего имени. По-прежнему, как в любой человеческой традиции, младший (человек) обращается к Старшему (Богу) по титулу. И никакое окружение завесой священной тайны одних титулов перед другими не меняет их природы.

Иисус и имя Отца

Согласившись с нашим ветхозаветным анализом, читатель-христианин задает законный вопрос: а как же Иисус Христос, открывший нам и новый уровень познания Бога и засвидетельствовавший в своей первосвященнической молитве: *явих имя Твое человекам* (Ин. 17, 6). *Я открыл имя Твое* (Божие, конечно!) *людям*. Как это понимать?

Если мы будем под этим видеть некое тайное знание, некий умственный или мистический ключик, с помощью которого можно, наконец, научиться вращать Божию волю, то придем мы к прямому и грубому нарушению именно третьей заповеди. Суть третьей заповеди в том, чтобы мы и не пытались искать этого имени-ключика, при помощи которого покусились бы отобрать у Бога Его волю.

Но если никакого «мистического приемчика» вкладывать в эти слова нельзя, то что тогда остается? В каком смысле Иисус открыл нам Отца и Его имя? – Ни в каком ином, как только в смысле нравственной близости, в смысле дерзновения во Святом Духе. Иисус открыл о Боге ровно одну тайну: что Он хочет быть нашим Отцом, что Он желает нашего спасения, что Он не гнушается ни нищих и

несчастливых, ни даже грешников, если каются. Да, это новое знание о Боге, хотя оно и предугадывалось по частям пророками. И в свете этого нового знания, по вере в Иисуса Христа, как Искупителя, человек и входит в такое общение с Богом, которое - в традиционном понимании «привилегии имени» - можно сравнить с положением человека, знающего имя Царя, имеющего близкий доступ к Царю.

Да, святые Христовы получают возможность такой близости к Богу, как те немногие приближенные древнего царя, которые, единственные во всем городе, могли наедине обратиться к царю по имени. Это так. Это показали примеры апостолов и других христиан, которые по вере в Иисуса Христа совершили многие чудесные знамения от Бога, что, конечно, возможно было только при наличии вот таких близких с Ним отношений. Поэтому образное использование аналогии с «привилегией имени» в восточной речи вполне оправдано и понятно. И несколько все это не требует того, чтобы предполагать некое «заклинание» под названием «имя Отца», коим можно было бы исполнять любую свою волю в религиозном мире.

Кстати, имя Отец, - как научил нас называть Бога Иисус, - это тоже, разумеется, титул. Причем титул с самым теплым и приятным значением. Звать отца отцом – это гораздо теплее, чем по официальному званию или даже по имени. Для детей, какой-нибудь «профессор Иванов» звучит непонятно и даже неприятно, особенно, когда на самом деле он им просто папа.

Прилагательные апофатические и катафатические

С окончанием библейских времен христианство вышло в языческий мир, прежде всего, в мир греческой философии. И там само понятие, само значение слова «имя» уже изменяется. Теперь под именем понимается не та библейская «векторная» величина субординации, а категория мышления, по которой прочитываются важнейшие, сущностные свойства объекта созерцания. И поэтому имен у объекта может быть много. По сути дела, именами теперь называются любые свойства объекта. Теперь «дать имя» значит не вступить в отношения субординации, а познать того, кого именуешь.

Мы помним, что Златоуст знал оба смысла, и оба их привел в тех словах, что мы уже приводили в самом начале статьи. Однако далее, рассматривая святоотеческие упоминания о божественных именах, нужно иметь в виду, что смысл ключевого понятия уже поменялся.

Необходимо далее отметить, что теперь уже именами Божиими назывались две группы прилагательных, справедливо прилагаемых к Божеству. Первая группа, апофатические или отрицательные, призванные показать, что Бог не подобен ничему тварному: непостижимый, неосязаемый, непознаваемый, бесплотный и т.д. Вторая группа суть прилагательные в превосходной степени, показывающие, что Бог охватывает все в тварном мире: всеведущий, вездесущий, вечный. Аналогично и в исламе известны целых 99 имен Аллаха в точно таких же формах.

Нет необходимости теперь пояснять, что все это не суть имена, но не более чем титулы. Важно и то, что корни всех таких прилагательных обозначают категории этого, сотворенного мира. Само прилагательное строится на сравнении Бога Творца с Его творением. Результатом такого сравнения и служат сами эти формы прилагательных: или отрицательные, или превосходные. Ибо Бог не может быть поставлен в один ряд со своими тварями. Это, разумеется, бесспорно, но сейчас важнее то, что собственное имя Божие (буде оно вообще существует), не может отталкиваться от этих тварных свойств. Бог не может быть определяем через свойства Его тварей, хотя бы и отрицательными и

превосходными формами. Если вы студента назовете «не-детсадник», то это будет, разумеется, верно, однако ваша кличка не сможет определить его студенческого чина.

И, серьезно рассуждая, это обстоятельство и есть выражение того общего принципа, что имя может дать только старший младшему. Ибо старший лучше знает младшего. Информацию о младшем старший точнее формулирует в кратком имени. Младший же, не зная чина и сущности старшего, может придумать ему какую-то кличку от себя, но сам старший эту кличку не примет, потому что видит, насколько она не соответствует его настоящему статусу.

Святоотеческая классика о Божиих именах

Если в истории отеческой письменности поискать что-нибудь на эту тему, то кое-что сосредоточенное и значимое мы найдем в полемике отцов-Каппадокийцев против Евномия и затем у Ареопагита. Там и здесь главной темой является не сам вопрос об именах, а вопрос о познаваемости Бога по Его сущности. (Это подобно тому, как православное учение о Богородице, в принципе не существовало само по себе никогда, но раскрывалось в полемике о христологии). Так и здесь главный вопрос: познаваем ли Бог?

Евномий был тем уникальным ересиархом, кто ухитрился на этот вопрос отвечать определенно и положительно. Он разработал теорию о том, что имена (уже не в библейском, а в эллинском смысле этого слова) бывают человеческими, то есть, пустыми и незначащими, и Божиими, открытыми непосредственно Богом. И посредство знания этих имен-качеств можно получить, якобы, и полное познание Бога по сущности. В запальчивости или в безумии своем, он договаривался и до такого: «О сущности своей Бог знает нисколько не больше нашего, нельзя сказать, что она Ему ведома более, а нам менее, - что знаем о ней мы, то знает и Он» [2, стр. 116]. И вот, это познание Бога мыслится через познание Божественных имен (если они не пустые и человеческие). В частности, Божие имя «нерожденный» давало Евномию основание держаться крайних арианских позиций, не почитая Логос Богом, Единосущным Отцу.

Вкратце св. Василий Великий возражает Евномию тем, что и человеческое имя-понятие может нести определенную информацию о Боге, и тем более откровенное свыше, но ни то, ни другое не дают возможности приблизиться к постижению безграничной сущности Бога. Даже тварный предмет, познаваемый через свои свойства, познается таким путем не до конца, - тем более Сам Творец и Бог. «Нет ни одного имени, которое обнимало бы все естество Божие и было бы достаточно, чтобы выразить его вполне», - пишет Василий. При этом он и «уравновешивает» свою мысль и с другой стороны: «Многие и различные имена, взятые в собственном значении каждое, составляют некое понятие, - конечно, темное и весьма скудное в сравнении с целым, но для нас достаточное» [2, с.118]. И поскольку имена оные производятся от проявлений Бога в этом мире или по сравнению с тварными предметами, то можно говорить, что если Бог отчасти и познается, то познается только в своих действиях. По сути, именно св. Василий закладывает основы того учения, которое потом тысячу лет спустя будет развивать св. Григорий Палама: «Мы утверждаем, что познаем Бога нашего по действиям (энергиям), но не даем обещания приблизиться к самой сущности».

Еще более подробно развивает мысли своего старшего брата св. Григорий Нисский. «Бог не может быть охвачен ни именем, ни понятием, ни иной какой постигающей силою ума, Он пребывает выше всякого, не только человеческого, но и ангельского и премирного постижения,.. и имеет одно имя, которое служит к познанию Его собственного естества, именно то, что Он один паче всякого

имени». И еще: «Было бы прелестью и обольщением домогаться и любопытствовать о неизреченном естестве, искать собственное Имя Божие». [2, 194-195].

Обратим внимание: библейское и философское понятие об имени в этой точке совпадают: и с точки зрения третьей заповеди, и с точки зрения умственного откровения и познания, сущность Божия и собственное Имя Божие абсолютно недоступны тварному уму: «О бытии сего естества мы знаем, - говорит св. Григорий, - но что касается до наименования, которым бы во всей силе обнималось неизреченное и беспредельное естество, мы говорим, что его или совершенно нет, или оно нам вовсе неизвестно».

Полностью с этим согласимся.

А потом можем положить рядом гремющую формулу имяславцев: Имя Божие – Сам Бог, - заодно с их претензией на знание этого имени, - и вывод читатель сделает сам.

На этом рассмотрение прилагательных стоит закончить. Ареопagit в этом вопросе следует за св. Григорием, разбирая имена-понятия в больших подробностях, но в принципе по сути рассматриваемого нами вопроса не прибавляя ничего принципиально нового. Ясно, что ни одно из имен-понятий не сможет служить именем Божиим (даже и титулом – с большой натяжкой), именно по причине своей малой информативности. Определить Бога, тем более дать Ему имя на основе свойств Его творения - это совершенно несерьезно.

Лицо Божие – Сам Бог

Спрашивается, для чего же в начале XX века возникло течение в православии, учащее, что имя Божие есть Сам Бог?

Чтобы ни в кого не тыкать пальцем и никого не обвинять, поступим иначе. Давайте представим себе, что мы – группа церковных деятелей, духовников, монахов, которым захотелось бы внести в сокровищницу Предания Церкви свой личный вклад, а заодно и создать группировку духовных чад, которые обеспечили бы нам относительно безбедное существование в нашей старости.

Зная психологию духовников и духовных чад, я предложил бы, например, такой вариант: развил бы богословие Божьего Лица. (Прошу далее не воспринимать его всерьез, это вычурный, искусственный пример того, как над богословием можно поиздеваться во славу свою).

Итак, главный тезис был бы таким: Лицо Божие есть Сам Бог. Действительно, зная, что вне монотеизма нет Единого Главного личного Бога, мы утверждаем, что от Бога неотъемлемы качества личности. Бог отличает свое Я от не Я, он имеет свою волю и желания, свои оценки происходящего в тварном мире. То есть, Он имеет Лицо. Даже три, но это уже немного другой вопрос для нашей игры мы его пока отложим. Предстать Лицу Божию – значит, именно предстать Самому Богу. Лицу Божию можно предстать не только, как Моисей, но можно и помолиться вместе с Псалмопевцем: *лицу Твоему помолются богатии людстии*. А кому можно помолиться, кроме Бога? И Сам Христос говорил, что *ангелы на Небесах всегда видят лице Отца Моего Небесного* (Мф. 18. 10). Далее (с помощью поисковой программы) мы просмотрим все высказывания св. отцов по теме Божьего Лица. И увидим, что именно предстояние Лицу Божию и есть цель христианина. Сделаем вывод, что все православные всегда почитали Лицо Божие. А себя мы подадим противниками пантеистической ереси, которая якобы недавно только начала вкрадываться в православный мир, и имеет целью подменить Бога безличным существом. Заострим вопрос: если ты не станешь с

нами исповедовать, что Лицо Божие есть Сам Бог, то значит, ты скрытый пантеист, пробравшийся в церковь, чтобы проповедовать безличного бога, который, разумеется, есть то ли дьявол, то ли антихрист.

Дальше мы устроим большой шум. Своих сторонников повяжем с собою на общем противостоянии всей остальной обмирщенной и еретической церкви. Устроим своим главным праздником 16 августа, день Нерукотворного Спаса, допишем новый канон к службе с новыми стихирами.

И что нам, собственно, смогут возразить наши оппоненты с богословской точки зрения? У нас неплохой набор библейских цитат (в своей игре воображения я здесь практически ничего из них не привел, самую малую только часть). У нас и отеческие цитаты найдутся. Пусть оппоненты спорят с Библией и отцами – так всегда сможем парировать мы. А что лицо Божие (так же, как и имя) – это не более чем антропоморфизм, мы отбросим этот аргумент. Ведь Лицо здесь, в отличие от рук и ног, не выдается за часть какого-то Божьего Тела. Это отвлеченное понятие. Вот мы и соединим с Самим Богом еще одно отвлеченное понятие.

Если дело совсем хорошо пойдет, мы и имяславцам протянем руку общения – пусть присоединяются к нам. Но уже под нашим руководством.

Для тех, кто в курсе – в общем-то, ничего особо нового. По такой схеме делаются культы Григория Распутина, Ивана Грозного и Славы Крашенинникова. Но тут еще и с богословским проектом. Средневековье ушло, на костер нас не потянут, свою группировку в несколько сотен или даже тысяч человек мы сколотим. Проживем весело, интересно, харизматично, в лидерах и в человеческом почитании от восторженных поклонников и особенно поклонниц... Как говаривал Н. Гоголь:

- Вот что оно, канальство, заманчиво!

Кто в курсе истории имяславской смуты на Афоне в 1910-х годах, пусть сам сравнит, насколько корректно наше сравнение. Но фактом становится то, что ныне имяславие постепенно становится этакой «истинно-православной фишкой», наряду со всякими отвержениями криптоэкуменизма. Если хочешь считаться совсем уж истинно-православным, не пропустившим ничего, то принимай и это странноватое учение. Не станем прямо утверждать, что современные имяславцы сознательно движутся в сторону магии имени. Будем надеяться, что это лишь следование интеллектуальной моде среды и желание «побузить» в церкви. И не более... Если не более.

Но даже в таком виде эта затея уважения не вызывает.

1. Св. Иоанн Златоуст Творения т. 4, изд. С ПБ Дух. академии, 1898 Репринт, изд. Отдел МП 1991 г
2. Георгий Флоровский прот. Восточные отцы Церкви, М. АСТ, 2003